

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031251
Кравченко Екатерины Сергеевны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Плотникова Л.И.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
1.1. Жанровое своеобразие поэтического творчества М. Цветаевой.....	8
1.2. Особенности языка поэтических текстов М. Цветаевой.....	13
1.3. Авторское словообразование. Специфика.....	20
Деривационные модели	20
2.1. Понятие о лексических и грамматических окказионализмах	30
2.2. Типы грамматических окказионализмов	35
в поэтических текстах М. Цветаевой	35
2.3. Особенности функционирования грамматических окказионализмов в поэтических текстах.....	39
Приложение.....	55
Список использованной литературы.....	69
Словари.....	73

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что современный мир – это мир сложный, глобализирующийся, коммуникации в нём давно уже вышли за пределы государственных границ, этнических стереотипов и языковых барьеров. Более сложной, многогранной и многоязычной становится наша жизнь.

Человеческий язык – это уникальное явление, которое стало одним из основных признаков, отличающих человека от животных. Он дает людям возможность обмениваться любой информацией, накопленным опытом и пр. Язык – это система определенных знаков (звуковых, письменных и пр.), которая используется людьми для общения, передачи знаний и информации. Единицами его являются не только отдельные слова, но предложения, а также тексты, которые состояются из слов и предложений.

Динамика социокультурных процессов находит отражение в языке, потому что язык – это живое явление, постоянно меняющееся, претерпевающее изменения. Наиболее подвижным и подверженным изменениям является лексический ярус языка. Это связано с тем, что лексический состав языка постоянно изменяется и дополняется. Один из способов пополнения языка – это словообразование. Образование слов в каждом языке происходит по собственному сценарию, в соответствии с существующими правилами и нормами. Кроме того, данное явление детерминировано особенностями структуры, грамматическими характеристиками и спецификой сочетаемости слов, относящихся к различным частям речи. Образование новых слов – очень важный процесс. Именно он свидетельствует о том, что язык не стоит на месте, он развивается, находится в движении. Процесс языкового закрепления, или узуализации, – весьма длительный, он обусловлен целым комплексом причин и определённых условий.

Развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его словообразовательной системы, становлением новых словообразовательных моделей слов, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности и многими другими факторами словообразовательного процесса.

Создание авторских слов, отсутствующих в языковой традиции, или словотворчество, присуще многим авторам, а в особенности поэтам Серебряного века, которые запечатлели в своих произведениях новаторские подходы к языку. Так, в творчестве Марины Ивановны Цветаевой наиболее ярко представлено окказиональное словотворчество.

Исследователи творчества М. Цветаевой признают, что одной из главных черт ее поэтического стиля был поиск новых форм и поэтический эксперимент. «Индивидуально-авторские новообразования, по справедливому замечанию Д.В. Халявиной, являются результатом творческого процесса, они позволяют достичь наибольшей выразительности, несут значительную идейно-смысловую нагрузку, нередко выполняя функцию ключевых слов художественного текста. В связи с этим изучение авторских слов всегда актуально, они свидетельствуют о творческой индивидуальности поэта, особенностях его художественного метода» [Халявина 2011: 3].

Исследование словообразовательной специфики индивидуально-авторских новообразований автора остается одной из **актуальных проблем** анализа художественного текста. Большое значение имеет при этом классификация и описание основных способов деривации авторской лексики, изучение типологии окказионального словообразования и особенностей функционирования авторских новообразований в поэтическом тексте. По сути, лексические новообразования, будучи авторскими, в то же время отражают деривационные возможности каждого конкретного языка, в силу чего далеко не всегда могут быть транслированы на другие языки с сохранением модели окказионализма текста оригинала. Это значит, что

многие из них переводятся с семантическим/стилистическим сдвигом или потерей некоторых смысловых компонентов исходного авторского новообразования.

В формировании художественной структуры поэтических текстов М. Цветаевой участвуют все языковые уровни. Языковые средства, вкуче с графическими и пунктуационными, а также инструментами стихотворного языка (ритм, метр, размер, рифма) формируют систему выразительных средств языка поэта. В большинстве своем исследователи творчества Цветаевой уделяли большее внимание лексической стороне языка, нежели грамматической. Важностью изучения творчества М. Цветаевой с точки зрения анализа окказиональных новообразований и недостаточной проработанностью данной темы объясняется **актуальность** нашей работы.

Объект исследования в данной работе – грамматические окказионализмы Марины Цветаевой.

Предметом исследования является специфика грамматических окказионализмов и их функциональная предназначенность в поэтических текстах исследуемого автора.

Цель работы –исследовать и описать специфику грамматических окказионализмов в поэтических текстах Марины Цветаевой.

Для достижения цели был определён ряд **задач**:

- изучить жанровое своеобразие творчества М. Цветаевой;
- определить понятие лексических и грамматических окказионализмов;
- проанализировать особенности употребления грамматических окказионализмов в поэзии М. Цветаевой;
- определить особенности их функционирования в поэтических текстах.

Теоретическую основу исследования составили следующие работы:

- по словообразованию и неологии русского языка: Г.О. Винокура, Е.А.Земской, А.Г. Лыкова, В.В. Лопатина, Л.И. Плотниковой, Л.В. Рацибурской, Е.В. Сенько, И.С. Улуханова, Н.М. Шанского и др.

- по творчеству Марины Цветаевой: О.А. Ежковой, О.Г. Ревзиной, А.А. Казаковой, В.А. Масловой и др.;

- по лингвистике художественного текста: Г.О. Винокура, В.П. Григорьева, Л.П. Якубинского, М.Н. Эпштейна и др.

Материалом исследования послужила картотека грамматических окказионализмов, извлечённых методом сплошной выборки из поэтических текстов М. Цветаевой.

Для решения указанных задач в работе были использованы различные **методы и приёмы** лингвистического исследования: описательный метод, предполагающий приёмы систематизации окказионализмов согласно задачам исследования; приёмы наблюдения, сопоставления и объяснения полученных результатов анализа нового языкового материала; количественный приём, позволивший выявить количественное соотношение и определённые тенденции в создании окказиональных форм.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав основной части, заключения и библиографического списка.

Глава I. СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М. ЦВЕТАЕВОЙ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА

1.1. Жанровое своеобразие поэтического творчества М. Цветаевой

Марина Ивановна Цветаева, всемирно известный русский поэт, прозаик, переводчик, родилась в Москве 26 сентября 1892 года. Отец Марины Ивановны, Иван Владимирович, был профессором университета и создателем одного из лучших российских музеев, а мать, Мария Александровна, талантливой пианисткой. От отца М. Цветаева унаследовала стойкость, трудолюбие, необычайную работоспособность, а от матери – талант к музыке и любовь к искусству.

Десятки лирических стихотворений, две трагедии, более десяти поэм... И около полусотни произведений в прозе: воспоминаний о детстве, о семье, о современниках-поэтах, трактатов о поэзии. Можно только поражаться неугасимости творческого горения Марины Цветаевой.

Начальное образование М. Цветаева получила в частной женской гимназии Москвы, а затем продолжила обучение в пансионах Германии, Франции, Швейцарии. После смерти матери отец старался дать Марине, ее брату и сестрам хорошее образование [Швейцер 1988]. В интеллектуальном плане Марина развивалась гораздо быстрее по сравнению со своими сверстниками. Первыми языками, которые она уже изучила в младшем школьном возрасте, стали русский и немецкий, к 7 годам она полностью овладела французским языком. И всеми тремя языками владела в совершенстве. В четыре года она начала свободно читать, играть на рояле начала в пять лет.

Исследователи жизни М. Цветаевой отмечают ее трудный характер, который проявился уже в детстве.

Уже в 1910 году был опубликован первый сборник стихотворений Цветаевой под названием «Вечерний альбом». Именно тогда ее творчество заметили известные поэты – Николай Гумилев, Валерий Брюсов,

Максимилиан Волошин, которые в дальнейшем значительно повлияли на развитие творчества поэтессы.

В 1912 году выходит второй сборник «Волшебный фонарь», а в 1913 году – сборник «Из двух книг». Ранее творчество М. Цветаевой включало также стихи для детей «В Класе», «Так» и др. Помимо стихов, она занималась и написанием пьес.

В 1912 году Марина Цветаева выходит замуж за Сергея Эфрона и от этого брака рождается дочь Ариадна. В 1914 году Цветаева познакомилась с поэтессой Софией Парнок, роман с которой продлился до 1916 года, после чего Марина возвращается к мужу. Софии посвящен целый цикл стихотворений под названием «Подруга».

Исследователи творчества поэта считают, что в начале 1917 года поэзия Марины Цветаевой начала своё развитие по двум основным направлениям.

Первое направление – это надуманная театральная романтика, такая, как, например, в цикле «Любви старинные туманы» – мелодраматическое расставание некоей пары на берегу Сены, или роковой поединок страстей Дон-Жуана и Кармен в одноименных циклах; игра, флирт в россыпи стихов под названием «Комедьянт». Такая поэзия была своеобразной маской для автора и способом ухода от суровой реальности.

После девятнадцатого года М. Цветаева охладела к театру и больше пьес не писала. Ее талант вырос и приобретал более строгое – психологическое и философское – содержание.

Вторым руслом, по которому пошло развитие поэзии М. Цветаевой, было народное, или, как она сама говорила, «русское». Оно обозначилось еще в 1916 году, и стихи этого типа с каждым годом все больше избавлялись от литературности, становились более естественными. К таким стихам, относятся, например, почти дословные записи «рассказов» владимирской няньки Нади: «И зажег, голубчик, спичку...». «Простите меня, мои горы!...», или гаданья цыганки, услышанного на улице. Или цикл стихов о Стеньке

Разине, где М. Цветаева, следуя народной песне, по-своему трактует характер героя, делает его страдающим лицом: убитая персияночка снится Разину во сне: *«И звенят–звенят–звенят–звенят запястья:– Затонуло ты, Степаново счастье!»*– типично цветаевский упор на разлуке и горе атамана, а не на его лихости...

Поэма «На красном коне» и 1921 год обозначали рубеж в поэзии Цветаевой. Она приобретала черты высокой трагедийности. Аскетизм творческого самосожжения, суровая человеческая верность, дружба, преданность – её главные темы. Поэзия М. Цветаевой достигла своего истинного расцвета, своих вершинных достижений; почти каждое стихотворение стало «классикой» и широко известно, повторяясь ныне из сборника в сборник (циклы «Ученик», «Марина», «Разлука», «Хвала Афродите» и др.).

Вторая дочь М. Цветаевой, Ирина, умерла в возрасте трех лет, а в 1925 году в семье рождается сын Георгий.

Гражданская война в стране нашла свое отражение в стихах поэта, с помощью них она старалась выразить сочувствие своей Родине, людям. Она вынуждена была иммигрировать из страны, однако за границей популярности как поэтесса не получила, зато именно в этот период пришло признание ее прозы. В 1922 году она переезжает в Берлин, затем в Чехию и Париж. В период жизни за границей она пишет стихи, которые позже вошли в сборник «После России», это такие стихи, как «Поэма воздуха», «Поэма конца», «Поэма горы».

М. Цветаева написала серию произведений, которые посвятила близкими значимым для нее людям. В. Швейцер выделяет среди них следующие:

- в 1930 году написан поэтический цикл «Маяковскому», в честь Владимира Маяковского, чье самоубийство потрясло поэта;
- в 1933 – «Живое о живом», воспоминания о Максимилиане Волошине;

- в 1934 – «Пленный дух» в память об Андрее Белом;
- в 1936 – «Нездешний вечер» о Михаиле Кузмине;
- в 1937 – «Мой Пушкин», посвященное Александру Сергеевичу Пушкину[Швейцер 1988.]

Пушкину[Швейцер 1988.]

В Чехии Марина Цветаева выросла в поэта, который в наши дни справедливо причислен к великим. Ее поэзия говорила о бессмертном творческом духе, ищущем и алчущем абсолюта в человеческих чувствах. Самой заветной цветаевской темой в то время стала философия и психология любви. Сама она, разумеется, знала, что такое нелюбовь, гнев, неприязнь. Но в ее романтике не было места таким категориям. Она писала о любви – это понятие было для нее бездонным. Все, что не вражда, ненависть или безразличие, составляло любовь, которая вбирала в себя бесчисленные оттенки переживаний.

Одновременно со стихами шла работа над крупными произведениями – «Поэмой Горы», «Поэмой Конца», трагедией «Тезей» и поэмой «Крысолов». Так постепенно началось вытеснение малого жанра цветаевской поэзии большими. Поэту как бы тесно в границах лирического стихотворения. Свою заветную идею – о том, что любовь – это всегда и непременно – вначале громада, глыба, лавина страстей, обрушивающихся на человека, а потом – так же неизбежно – расставание, разрыв, – М. Цветаева воплотила в «Поэме Горы» и «Поэме Конца», давно уже ставших хрестоматийной принадлежностью почти всякого цветаевского сборника. Трагедия «Тезей» (впоследствии названная «Ариадна») – не столько драматическое произведение, сколько поэма в диалогах, – переводит мысль поэта в более психологический план. Земную женщину – Ариадну – любят одновременно смертный (Тезей) и божество (Дионис, или Вакх), который возносит ее на небо. Цветаева трактует античный миф так, словно речь идет о чувствах живых людей. Что это: предательство Тезея или, напротив, его благородство? – ведь он добровольно уступает свою возлюбленную Вакху; сила в этом его или слабость? несовершенство земной любви («о, как мало и плохо любят!»)

или высший долг? – таков нераспутываемый Гордиев узел противоречивых страстей человеческих.

В Чехии М. Цветаева написала две большие статьи: «Кедр (Апология)»– на книгу своего старого друга С. М. Волконского «Родина»–и «Герой труда»– на кончину В. Я. Брюсова. В этих вещах она выявила свой дар прозаика.

В 1930 году М. Цветаева написала стихотворный реквием на кончину Маяковского. Она не переставала относиться к нему с уважением и восхищением; в 1928 году наперекор эмигрантской политической шумихе приветствовала его по случаю приезда в Париж.

В 1930 годы положение М. Цветаевой за границей становилось все хуже, и, прожив в бедности, она возвращается в СССР. По возвращению ее мужа и дочь арестовывают. Сергей был расстрелян в 1941 году, а дочь спустя 15 лет реабилитировали. В этот тяжелый период жизни Цветаева не писала стихов, а занималась исключительно переводами. Не выдержав трудностей, 31 августа 1941 года Марина Цветаева покончила с собой и была похоронена на Петропавловском кладбище г. Елабуга.

Памяти Марины Цветаевой посвящены памятники, музей в Москве, Феодосии, Башкортостане и других городах.

Одна из особенностей «поэтов круга», по мнению Цветаевой, – лирическая погруженность в себя и, соответственно, отстраненность и от реальной жизни, и от исторических событий. Истинные лирики, считает она, замкнуты на себе и потому «не развиваются»: «Чистая лирика живет чувствами. Чувства всегда – одни. У чувства нет развития, нет логики. Они непоследовательны. Они даны нам сразу все, все чувства, которые когда-либо нам суждено будет испытать; они, подобно пламени факела, отродясь втиснуты в нашу грудь».

Все ее произведения предельно лиричны, будь то собственно лирические жанры, поэмы или жанры письма, эссе, статьи. Все подчинено личному, субъективному началу. Эссе о Пушкине она дала «лирическое»

название – «Мой Пушкин» – и передала в нем подчеркнуто личностное видение и понимание великого поэта и его произведений. Стилистика статей М. Цветаевой близка поэзии ориентацией на эмоционально–экспрессивную разговорную речь. Даже пунктуация цветаевской прозы любого жанра совершенно субъективна.

1.2. Особенности языка поэтических текстов М. Цветаевой

Марина Цветаева очень тонко заметила: «У поэта нет других путей к постижению жизни, кроме слова, этим он отличается от непозта, у которого – все (кроме). Называя – постигает. А вот вам живая запись (внезапное озарение, в которое верю)–живая, ибо внезапная, ибо о вещи не думала – на полях этой же тетради: *я вещь окончательно понимаю только через слово (собственное)*». «Поэт неизбежно терпит крах на всех других путях осуществления... Он требует от жизни то, чего она дать не может...».

Требование абсолюта, много большего, чем ты имеешь, чем сама жизнь, может тебе дать –своего рода несбыточные мечты, пустые амбиции. Но то, без чего не получается полноценная творческая отдача в свои произведения, будь то поэзия или проза. И к этой полной отдаче, к «свободной стихии» – М. Цветаева шла всю жизнь.

С самого детства пушкинское море было морем прощания, её «свободной стихией». Так – с морями и людьми – не встречаются. Так – прощаются. «Как же я могла, с морем впервые здороваясь, ощутить от него то, что ощущал Пушкин – навсегда с ним прощаясь...». Пушкин был первым поэтом Марины Цветаевой, и её первого поэта – убили. Так она поделила мир на поэта – и всех, и выбрала – поэта, защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни назывались. Лирика становится для Цветаевой мериллом истинности жизни.

И Цветаева находит своё море. Она стоит на исконном месте лирика, на той блаженной меже, где, как в строке Бориса Пастернака, бесконечно

переливаются друг в друга «стихия свободной стихии со свободной стихией стиха»[Куликова 2009: 63].

Свободная стихия Марины Цветаевой прослеживается во всём её творчестве. Непохожесть, выпадение из общественных, общепринятых уставов написания, создания, понимания жизни через свою, определённую, призму качества – то особое, неотделимое, что выделяет М. Цветаеву из всего поэтического наследия России и ставит её на отдельный пьедестал, отличный от всех пьедестал–течение русской литературы. Она сама – целое, ёмкое, необъятное, чистое, наивное и красочное явление, не поддающееся сравнению.

Марина Цветаева как–то обмолвилась: «Есть нечто в стихах, что важнее их смысла: их звучание...» (Статья «Поэт и время»). Да, мелодика стиха Марины Цветаевой – крылата, в то же время в ней «ускоренное биение крови, пульсирование ритма». И этим ритмом она давит, впечатывает, раскачивает и распевает нашу эстетическую сущность. Иногда задумываешься не над самим стихом, а над цветаевской музыкой, увлекаясь фоникой, насыщаясь досыта... «От матери я унаследовала Музыку, Романтизм и Германию. Просто – Музыку.... Музыку я определённо чувствую Германией (как любовь Францией, тоску – Россией). Есть такая страна – Музыка, жители – германцы...» (Дневник «О Германии»).

М. Цветаева получает музыкальное образование, ещё – дар: видеть в особом интерпретированном, ассоциативном свете музыкальные понятия, атрибуты. Необычность М. Цветаевой – в неожиданных образных аналогиях, в каждом отдельном случае совершенно точно характеризующих само музыкальное явление[Куликова 2009: 63].

Язык М. Цветаевой менялся на протяжении всего её творчества, наиболее резкие перемены в ней произошли, по мнению исследователей, в 1922 году, когда ушли легкость и прозрачность, исчезли радость и веселье, а родилась поэзия, для которой характерны многоплановость слова, игра сложнейшими ассоциациями, насыщенная звукопись, усложненный

синтаксис, строфика, рифмы. Вся её поэзия, по существу—взрывы и взломы звуков, ритмов, смыслов. М. Цветаева—один из самых ритмически разнообразных поэтов, ритмически богатых, щедрых [Ревзина 1989].

Ритмы цветаевской поэзии неповторимы. Она с легкостью ломает инерцию старых, привычных для слуха ритмов. Это пульс внезапно обрывающийся, прерванные фразы, буквально телеграфная лаконичность. Выбор такой поэтической формы был обусловлен глубокими переживаниями, тревогой, переполнявшими её душу. Звуковые повторы, неожиданная рифма, порой неточная, способствует передаче эмоциональной информации. А. Белый 21 мая 1922 года опубликовал в берлинской газете статью «Поэтесса —певица», которая заканчивалась так: «...если Блок есть ритмист, если пластик по существу Гумилев, если звучник есть Хлебников, то Марина Цветаева—композиторша и певица...Мелодии... Марины Цветаевой неотвязны, настойчивы...»

Ритмы М. Цветаевой держат читателя в напряжении. У неё преобладают диссонанс и «рваный» ритм военных маршей, разрушительной музыки военного времени, музыки бездны, разделившей Россию, словно пропасть. Это ритмы двадцатого века, с его социальными катаклизмами и катастрофами. Основным принципом поэтического языка М. Цветаевой является его триединство, которое предполагает взаимообусловленность звука, смысла и слова. М. Цветаева стремилась реализовать в поэзии форму «словесного колдовства», игру звука, музыки и все богатство потенций смысла. Такая взаимообусловленность звука, смысла и слова выражается в произведениях М. Цветаевой через синтаксические, лексические, пунктуационные и морфологические средства выразительности.

Несколькими из таких приемов являются разбивка слов на слоги, морфологическое членение слова, смена места ударения. Разбивка на слоги восстанавливает ритмическую схему и повышает семантическую значимость слова, смыкая воедино процесс замедленного и четкого произнесения слова с процессом осознания его истинного смысла.

Эффект морфемного членения возникает от двойного прочтения слова: расчлененного на морфемы, как это представлено в тексте, и имеющегося в сознании носителя языка слитного прочтения. Разделение слова на морфемы придает последней статус полнозначного слова. Морфемное членение в поэтическом языке М. Цветаевой соответствует реальному с живыми словообразовательными связями. Разбивка на слоги может имитировать морфемное членение с выделением одной значимой части.

В поэтическом языке М. Цветаевой есть тенденция разорвать многосложное слово, поставив в рифменную позицию значимую (корневую) часть слова. Расчлененное на морфемы слово передает два смысла в отличие от нерасчлененного однозначного слова [Зубова 1999].

Изменение ударения в слове, постановка ударения на предлоге связаны с выполнением ритмической схемы. Характерный цветаевский прием – синтагматическое соположение языковых единиц, различающихся только ударением.

Стилистические пласты высокого и сниженного стилистических ярусов привлекаются М. Цветаевой в полном наборе значений стилистической шкалы русского языка и используются в текстах в контрастном соположении (высокий стилистический ярус: архаическая лексика, стилистические славянизмы, поэтизмы, книжная лексика, включая лексику публицистического, официально-делового, научного стиля; сниженный стилистический ярус: разговорная, фамильярная, просторечная, грубо-просторечная лексика.)

Поэтические тексты М. Цветаевой характеризуются активным привлечением знаков препинания как семантически насыщенных выразительных средств. Тире, скобки, многоточие, восклицательный знак – арсенал выразительных знаков препинания языка М. Цветаевой. Цветаевские знаки препинания, кроме связи с интонационным (установка на произнесение) и синтаксическими уровнями, непосредственно сопряжены с многоплановостью поэтической ткани текста. В цветаевском высказывании

звучит не одна, а сразу несколько эмоций, не одна последовательно развивающаяся мысль, а мысли, спорящие друг с другом, вступающие в отношения подхвата, поиска дополнительных аргументов, отказа от одной – в пользу другой.

Наиболее яркие приметы цветаевского пристрастия к тем или иным знакам можно свести в некую систему, выявляющую основные черты ее поэзии. Это, во-первых, предельная, до отказа, уплотненность речи, концентрированность, сгущение мысли до «темноты сжатости», как сама М.Цветаева называла усложненность стихотворного языка; во-вторых, это взволнованность речи и такая напряженность, когда стих начинает как бы захлебываться, сбиваться – в ритме, в размере; в-третьих, неприкрытая активность художественной формы, ритмики. М. Цветаева мастерски владеет ритмом, это ее душа, это не просто форма, а активное средство воплощения внутренней сути стиха. «Непобедимые ритмы» Цветаевой, как определил их А. Белый, завораживают, берут в плен [Куликова 2009: 63].

Всему творчеству М. Цветаевой присущи романтический максимализм, мотивы одиночества, трагическая обреченность любви, неприятие повседневного бытия, интонационно-ритмическая экспрессивность, метафоричность. Свойственные поэзии М. Цветаевой исповедальность, эмоциональная напряженность, энергия чувства определили специфику языка, отмеченного сжатостью мысли, стремительностью развертывания действия.

Наиболее яркими чертами самобытной поэтики М. Цветаевой во все периоды жизни явились интонационное и ритмическое разнообразие (она использовала раешный стих, то есть акцентный стих с парной рифмовкой, ритмический рисунок частушки; фольклорные истоки наиболее ощутимы в поэмах-сказках «Царь-девица», «Молодец»), стилистические и лексические контрасты (от просторечия и заземленных бытовых реалий до приподнятости высокого стиля и библейской образности), например:

«Посадила яблоньку:

*Малым – забавоньку,
Старому – младость,
Садовнику – радость»*

– и:

*«Пью – не напьюсь. Вздох – и огромный выдох.
И крови ропщущей подземный гул,
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался царь Саул».*

Другие особенности поэзии М. Цветаевой – необычный синтаксис (уплотненная ткань стиха изобилует знаком «тире», часто заменяющим опускаемые слова), например: «...*Сквозь плиты – ввысь – в опочивальню – и власть!*», эксперименты над звуком (например, постоянное обыгрывание паронимических созвучий; паронимы – это близкие по звучанию, но разные по смыслу слова, к примеру, «*горячие от горечи*») и другие.

В. А. Рождественский писал о цветаевской поэзии: «Сила ее стихов не в зрительных образах, а в завораживающем потоке все время меняющихся, гибких, вовлекающих в себя ритмов. То торжественно–приподнятые, то разговорно–бытовые, то песенно–распевные, то задорно–насмешливые, они в своем интонационном богатстве мастерски передают переливы гибкой, выразительной, меткой и емкой русской речи... Стихи ее – всегда чуткий сейсмограф сердца, мысли, любого волнения, владеющего поэтом»[Рождественский 1997].

Творчество, его характер, суть, истинность, манера, – всё это отражало духовный мир Марины Цветаевой со всем бытом, бытием, со всеми стремлениями, порывами и страстями. Необычность всей цветаевской человеческой сущности достаточно полно представлена в её произведениях. Все душевные, духовные изменения словно калькой ложатся на бумагу[Куликова 2009: 63].

Словарь языка М. Цветаевой претерпевает непрерывное качественное и количественное расширение. В сборниках «Вечерний альбом» и

«Волшебный фонарь» представлено свыше двухсот названий лиц, в словаре М. Цветаевой, взятом в полном объеме, свыше тысячи ста*. При этом если в первых двух сборниках наибольшую частотность имеют имена родства и названия лиц по признакам пола и возраста, составляющие четверть всех имен лиц этих сборников, удельный вес и художественная значимость резко падает начиная с «Юношеских стихотворений». Язык первых сборников М. Цветаевой – это язык литературный, почти не включающий стилистических расслоений. Словарь М. Цветаевой, взятый в полном объеме – это словарь, ориентированный на всё богатство общенародного языка.

Стилистические пласты высокого и сниженного стилистических ярусов привлекаются М. Цветаевой в полном наборе значений стилистической шкалы русского языка и используются в текстах в контрастном соположении (высокий стилистический ярус: архаическая лексика, стилистические славянизмы, поэтизмы, книжная лексика, включая лексику публицистического, официально–делового, научного стиля; сниженный стилистический ярус: разговорная, фамильярная, просторечная, грубо–просторечная лексика. В словаре М. Цветаевой активную роль играет общеязыковая фразеология.

Цветаевский словарь имеет связь с языковой практикой последней трети 19 века, ср. мнимый окказионализм «бомбист» в стихотворении «Побег» (1923):

*«О – завтра моё! – тебя
Выглядываю –как поезд
Выглядывает бомбист
С ещё – сотрясеньем взрыва
В руке...».*

Слово *бомбист* (газетн.) представлено в словаре Ушакова (это «человек, пользующийся бомбой при совершении террористических актов»).

Совершенно особую роль играет представленная в первую очередь в «русских» поэмах народнопоэтическая лексика и разнообразные формы ее

стилизации. Поэтический язык М. Цветаевой содержит богатый набор реминисцентных знаков (античные, библейские имена, имена литературных героев, деятелей культуры, искусства, исторических деятелей, вплоть до портнихи Н. П. Ламановой, известной в дореволюционной Москве («*Та богиня – мраморная, / Нарядит – от Ламановой*»)).

Поэтическое словоупотребление М. Цветаевой эволюционирует в сторону широкого использования переносных значений, тропов, высказываний, имеющих двуплановую и многоплановую семантику. В ее поэтическом мире органически переплетены физический и духовный мир, мир вещный и мир интеллектуальный, эмоциональный, мир отвлеченных понятий и нравственных ценностей. Параметрические характеристики духовного и нравственного мира человека передаются через символически понимаемые конкретные физические действия («*Вы! Собирательное убожество! Не обрывающиеся с крыши!*») через овеществленные, зримо воспринимаемые образы («*Чрез лихолетие эпохи, / Лжей насыпи – из снасти в снасть – / Мои неизданные вздохи, Моя неистовая страсть*»).

1.3. Авторское словообразование. Специфика.

Деривационные модели

Язык отличается своей подвижностью и восприимчивостью к изменениям реальности, поэтому возникновение новых предметов и понятий всегда сопровождается пополнением лексического запаса языка. Одним из способов пополнения словарного состава является заимствование или же образование новых слов. Раздел языкознания, занимающийся разновидностями, способами образования и употреблением неологизмов, называется неологией. Основы неологии были заложены еще в первой половине XX века такими отечественными лингвистами, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, но полностью неология как отрасль лексикологии сложилась во второй половине XX столетия.

Данный раздел языкознания оперирует несколькими терминами для обозначения предмета изучения: неологизмы, инновации, новообразования. Термин *неологизм* стал употребляться первым и является наиболее распространенным. Понятия *инновация* и *новообразование* используется в более широком смысле для обозначения новых явлений на разных уровнях языка.

Источником новых слов могут быть как другие языки, так и сами носители языка. Во втором случае созданные новые слова являются результатом творческой деятельности определенного человека, поэтому они называются авторскими. Существует еще несколько терминов для обозначения данного понятия: окказиональные лексические единицы (ОЛЕ), окказионализмы, окказиональные слова, индивидуально-авторские неологизмы.

Деривация—процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае —путём «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем деривация приравнивается к словопроизводству или словообразованию. Согласно более широкой точке зрения, деривация понимается либо как обобщённый термин для обозначения словоизменения и словообразования вместе взятых, либо как название для процессов образования в языке любых вторичных знаков. В процессах деривации происходит изменение формы (структуры) и семантики единиц, принимаемых за исходные. В содержательном отношении это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении, либо на создание нового знака путём преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка в тех же целях.

Создание лексических, фразеологических, грамматических, фонетических и синтаксических новаций со значительными отклонениями от литературной нормы обусловлено стремлением авторов художественных и публицистических текстов к выражению индивидуальности, созданию новых

образов и выражению экспрессивности. Эти новообразования и носят название индивидуально-авторских слов или авторских неологизмов. Также их называют стилистическими неологизмами или авторскими окказионализмами.

Л.А. Булаховский в своих работах по исследованию авторского словообразования отмечал, что существуют новообразования, рассчитанные на мгновенный эффект и претендующие на существование только в данном контексте и внимание только той аудитории, для которой предназначен текст [Булаховский 1957: 59]. Н.Ю. Шведова говорит об «индивидуальных неологизмах», или, по-другому, «произведениях индивидуального речетворчества».

Г. О. Винокур, исследователь творчества поэтов Серебряного века и в частности В. Маяковского, изучал именно такие новообразования, которые появляются в языке как совершенно новые и до этого момента нигде не представленные. Эти языковые средства входят в общий запас возможностей языка и языкового выражения. Г.О. Винокур разделяет новаторство писателей на два основных вида: стилистическое и собственно языковое [Винокур 1943.]. При стилистическом новаторстве писатели вводят в язык нечто уже известное, однако не входящее в состав литературного языка. Речь идет о словах из разговорного, просторечного, народного и других стилей. Самым крупным новатором такого типа в русском языке исследователи называют А.С. Пушкина.

При собственно языковом новаторстве авторы вводят в пользование такие слова, которых ранее не существовало. Среди таких новаторов справедливо выделяют В. Маяковского как виднейшего представителя. Г.О. Винокур на основе изучения творчества Маяковского описал основные типы языковых новшеств в области грамматических форм, словосочетаний и слов. На сегодняшний день существует большое количество исследований, посвященных именно собственным авторским новообразованиям.

Анализ теоретического материала показал, что существует два подхода к определению понятия авторских нововведений. Некоторые лингвисты придерживаются более широкого понимания и считают их разновидностью неологизмов, другие же – выделяют их в отдельную группу лексических новообразований.

Приведем несколько примеров дефиниций. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой под окказиональным словом подразумевается «слово или оборот, употребленный говорящим или пишущим «один раз», для данного случая»[Ахманова 1966: 189].

Т.В. Король предлагает следующую дефиницию: «Окказиональные слова – это такие неологизмы, которые носят характер единичного (одноразового) явления в языке одного автора и тесно связаны с окружающим контекстом» [Король 1967: 154]. Исходя из данного определения, мы понимаем, что автор считает окказиональные слова подвидом неологизмов.

Схожую точку зрения выражает А.О. Иванов и определяет неологизм как слово и оборот, созданный (возникший) для обозначения нового предмета или нового понятия [Иванов 2006: 94]. В отдельную подгруппу он выделяет авторские (или индивидуальные) неологизмы, так как они имеют характерные черты, свойственные лишь им, а также являются одной из самых трудных для перевода групп лексики.

А.Г. Лыков выражает противоположную точку зрения и дает следующее определение: «Окказионализм – это речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности»[Лыков 1976: 213]. Он противопоставляет их «каноническим» словам, то есть общеупотребительным. В отличие от А.О. Иванова, А.Г. Лыков не считает, что окказиональные слова являются подвидом неологизмов. Новые слова со временем ассимилируются и теряют эффект новизны. Окказионализм же, как отмечает автор, «по целому ряду

своих признаков и особенностей функционирования выключен из фактора временной протяженности языкового существования, а значит, и из фактора исторического развития и изменения».

В.В. Елисеева предлагает разграничивать понятия авторский окказионализм и неологизм, в связи с «различными целевыми установками при их создании». Согласно В.В. Елисеевой, окказиональное слово определяется разовой стилистической задачей текста, неотъемлемой частью которого оно является. Именно в контексте окказионализм реализует все компоненты своего значения, которое является усложненным и не равно сумме исходных элементов. Неологизм создается для использования и понимания вне изначального контекста [Елисеева 1978: 167-169].

В данной работе для обозначения исследуемых примеров мы будем использовать термин *окказионализм* применительно к авторским грамматическим формам, которые обладают специфическими грамматическими характеристиками, не свойственными для современного русского языка.

Собственные авторские новообразования обычно противопоставляют языковым новациям, которые ранее существовали в языке в том или ином виде. К примеру, А.В. Калинин в своих исследованиях выделяет два типа неологизмов: общенародные или языковые и авторские, индивидуально-стилистические [Калинин 1978]. Индивидуально-стилистическими словами называют те, которые не вошли в состав языка и не употреблялись нигде, кроме произведений автора. Новизна таких слов может сохраняться в течение долгого времени и даже никогда не выйти из рамок неологизма, если будет использоваться только автором.

Потенциальными словами А.В. Калинин называет те авторские неологизмы, которые сделаны по продуктивным моделям словообразования. Если же в создании слова использовались непродуктивные в языке модели, то такое слово следует считать окказионализмом.

Таким образом, подобного рода слова обычно выполняют экспрессивную функцию в тексте и стилистически маркированы. При этом понятие окказионального слова сужается до языковых единиц, созданных специально автором с выразительными целями. *Индивидуально-авторскими словами* мы можем назвать те слова, которые:

- созданы автором специально для выполнения в речи (помимо номинативной) еще и экспрессивной функции;
- связаны с конкретным контекстом произведения;
- в системе языка не употребляются или употребляются крайне редко.

В современном русском языке окказиональные слова создаются и охотно используются писателями, поэтами и публицистами, часто раздвигающими присущие языку словообразовательные рамки. Известно, что каждый словообразовательный тип имеет в языке свои границы употребления, – он ограничен в возможностях. Но словотворцы иногда позволяют себе расширить возможности образования слов. С точки зрения общепринятого литературного языка такое слово – нарушение грамматической (в данном случае словообразовательной) нормы, но оно помогает создать яркий, оригинальный образ. Заметим, что русский язык имеет внушительный арсенал словообразовательных средств лексических новообразований. Наиболее продуктивными способами деривации являются аффиксация (префиксальное, суффиксальное, префиксально-суффиксальное словообразование), словосложение, а также разнословное сложение.

Авторские новообразования являются необычным явлением в любом живом языке, поскольку они связаны с появлением явлений, а также с выражением индивидуального мировидения автора. Любое словотворчество, в том числе и окказиональное, является комбинированием новых сочетаний уже известных до этого морфем.

Главным законом окказионального новообразования является закон аналогии, так как большинство окказиональных слов образуются по аналогии

с уже существующими, узуальными словами. Новизна авторского слова создаётся за счёт нарушения правил словообразования, результатом которых является необычное, «диковинное» (по определению А.Г. Лыкова) слово.

Окказионализмы используются в художественных текстах поэтами и писателями, так как являются необычным средством для создания нового образа, который, несомненно, привлечёт внимание читателей.

Каждый словообразовательный тип в языке ограничен в своих возможностях и имеет четкие границы употребления, в то время как поэты и писатели часто выходят за рамки этих границ, раздвигают их. С точки зрения литературного языка и общепринятой грамматической нормы, окказионализмы являются нарушением, однако именно за счет этого нарушения и создается яркий оригинальный образ.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день нет полной классификации способов образования окказионализмов, потому что полное исчисление этих способов вряд ли вообще возможно. Создание лексических новообразований – явление авторское, индивидуальное, поэтому привести все созданные в условиях многочисленных контекстов слова к единой типизации не представляется возможным. Приведем основные классификации способов образования окказионализмов, которые существуют сегодня в исследовательское литературе.

В первую очередь интерес представляет классификация способов образования инноваций, предложенная Е.А. Земской [Земская 1973]. Среди основных способов окказионального словообразования она выделяет следующие.

1. Междусловное наложение. При таком способе слова накладываются друг на друга, то есть конец одного слова служит началом следующего.

2. Контаминация представляет собой соединение двух общеупотребительных слов, при соединении рождается третье слово, которое и является окказионализмом. При этом часть какого-то слова устраняется.

3. Образование окказионализмов по конкретному образцу. Такой способ является одним из самых распространенных. Семантически такое новообразование соотносимо с уже имеющимся «прообразом».

4. Использование вымышленных корней в сочетании с уже имеющимися в языке аффиксами.

5. Словообразование на основании начальных букв: семантика слова становится понятной благодаря началу слова.

6. Способ «словообразовательный куст», который находит применение в основной в поэзии для создания рифмы.

7. Использование деривационных аффиксов и связанных частей слов как отдельно существующих слов. Такое способ носит название способа высвобождения аффиксов.

8. Использование аффиксов в качестве базовой основы слов, от которых в свою очередь образуются новые слова.

Особый интерес представляет классификация А. Г. Лыкова, которая предполагает описание только нестандартных способов окказионального словообразования [Лыков 1976]. Он выделяет следующие способы:

- парадигматическая контаминация,
- контаминация в фонетическом отношении схожих слов,
- тавтологические окказионализмы,
- метонимизированные окказионализмы.

Все остальные способы образования окказионализмов относятся в данной классификации к потенциальной деривации в языке, в то время как Е.А. Земская не относит потенциальные слова к окказионализмам.

Ю.Н. Антюфеева предлагает следующую классификацию способов создания окказионализмов [Антюфеева 2004: 184]:

1. Способ словосложения, при котором несколько составляющих приобретают целостность и слитность, что позволяет им функционировать в качестве самостоятельного слова.

2. Конверсия. При этом способе часть речи образуется от уже имеющейся формы другой части речи без каких-либо изменений во внешнем представлении данного слова.

3. Образование окказионализмов с помощью аффиксов. Уже имеющиеся в языке приставки и суффиксы добавляют определенную коннотацию к обычному слову. При знании корня слова и значения аффикса без труда воспринимается и окказионализм.

4. Способ слияния, который в классификации Е. Земской носит название междусловного наложения.

5. Способ обратного словообразования, при котором от общеупотребительного слова отсекается суффикс или префикс, что обеспечивает выделение основы и создание нового слова.

6. Способ сокращения, который используется не только в авторском словообразовании, но и в живом языке. Слова, образованные с помощью сокращений, могут называть не только определённые вещи и предметы, но и абстрактные понятия.

В классификации, предложенной Ю.Н. Пацулой, способы окказионального словообразования разделяются на стандартные и нестандартные. Стандартными называют те, которые создаются по уже имеющимся в языке моделям, а нестандартными те, которые нарушают закономерности словообразования и используют нетипичные деривационные модели.

Среди *стандартных* способов образования окказионализмов можно выделить три основных типа:

1. Лексико-семантический способ образования окказионализмов.
2. Лексико-синтаксический способ.
3. Морфологический способ образования окказиональных слов.

Нестандартные способы образования окказионализмов:

1. Контаминация.

2. Присоединение к имеющейся в языке основе заимствованных аффиксов.

3. Присоединение к имеющимся аффиксам заимствованных слов.

4. Грамматические и фонетические окказионализмы.

В данной работе мы рассматриваем группу грамматических окказионализмов, отличающихся особенностями структуры, значения и особой функциональной предназначенностью.

Таким образом, М. Цветаева – автор лирических стихотворений, поэм, писем, эссе, статей. Произведения разных жанров предельно лиричны, они отражают субъективное начало, особое авторское миропонимание.

Язык произведений М. Цветаевой менялся на протяжении всего её творчества. Исповедальность, эмоциональная напряженность, энергия чувства, свойственные поэзии М. Цветаевой, определили специфику языка, отмеченного сжатостью мысли, стремительностью развертывания действия.

Наиболее яркими чертами самобытной поэтики М. Цветаевой явились интонационное и ритмическое разнообразие, стилистические и лексические контрасты (от просторечия и заземленных бытовых реалий до приподнятости высокого стиля и библейской образности).

Наряду с узуальными словами, М. Цветаева создаёт и индивидуально-авторские слова, отсутствующие в языковой традиции. Они разнообразны по деривационной структуре и семантике. Каждое из созданных поэтом слов свидетельствует о творческом потенциале автора и выполняет определённую художественную функцию.

Глава II. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ М. ЦВЕТАЕВОЙ

2.1. Понятие о лексических и грамматических окказионализмах

Лингвисты выражают двоякое мнение не только по поводу того, относить ли окказионализмы к неологизмам, но и по поводу того, что именно считать окказионализмами. Существует два подхода к данной проблеме: более широкий, включающий в понятие окказионализма потенциальные слова, и узкий, принципиально разграничивающий их.

Термин потенциальное слово был предложен Г.О. Винокуром: «Потенциальные слова – это те слова, которых фактически нет, но могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1943]. Главным отличием потенциального слова от окказионального авторы, придерживающиеся более узкого подхода, считают соответствие потенциального слова языковым закономерностям. Потенциальные слова производятся по образцу высокопродуктивных словообразовательных типов. Более того, значение потенциального слова равно сумме значений его компонентов, в отличие от окказионализмов.

Среди критериев отличия окказионального слова от потенциального В.В. Елисеева отмечает [Елисеева 1984]:

- 1) заданность/незаданность системой языка;
- 2) частность/общность реализации семантических компонентов;
- 3) наличие/отсутствие целевой направленности.

Э. Ханпира приводит следующее определение окказионального слова: «Окказиональное слово – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, обычной номинации, так и с художественной целью» [Ханпира 1966]. Из данного определения мы можем сделать вывод, что автор разграничивает два данных понятия. Автор отмечает, что потенциальные слова, также как и авторские, принадлежат речи и не закреплены в

лексическом составе языка, но образуются по наиболее продуктивным моделям словообразования. Также они могут функционировать вне контекста, в то время как окказионализмы, напротив, привязаны к нему и создаются не по правилам языковой системы.

К представителям широкого подхода можем отнести В.В. Лопатина, который объединяет два данных понятия, так как и потенциальные, и индивидуально-авторские слова создаются «по случаю» и «несут на себе черты ощутимой новизны», что часто затрудняет их разграничение [Лопатин 1973].

В данном исследовании мы будем придерживаться более широкого подхода и рассматривать как индивидуально-авторские слова, так и потенциальные, так как с точки зрения перевода нам интересны любые речевые нововведения, не закрепленные в лексическом составе языка и не имеющие системных эквивалентов, и переводческие решения, предложенные автором для решения данной проблемы.

Девять признаков, сформулированных А.Г. Лыковым, помогают выявить характерные черты окказионального слова, которые отличают его от канонического слова [Лыков 1976]:

- 1) принадлежность к речи, которую он воспринимает как «наиболее широкий и наиболее важный признак окказионального слова»;
- 2) творимость (невоспроизводимость), говорит о том, что в отличие от канонического слова, окказиональное слово не воспроизводится, а создается;
- 3) словообразовательная производимость;
- 4) ненормативность, то есть мотивированная неправильность;
- 5) функциональная одноразовость, «создается для того, чтобы слово употребилось лишь один раз»;
- 6) экспрессивность;
- 7) номинативная факультативность (окказиональные слова возникают как определенного рода синонимы уже существующих слов);

8) синхронно- диахронная диффузность—невосприимчивость окказионализма подвергаться исторически обусловленным изменениям как в семантическом, так и в формальном аспектах;

9) индивидуальная принадлежность.

В.В. Елисеева [Елисеева 1984] среди характерных особенностей окказионализмов отмечает следующие:

- 1) внесистемность и непредсказуемость;
- 2) принадлежность явлениям речи, а не языка;
- 3) несомненное преобладание прагматической функции;
- 4) своеобразие реализации семантических компонентов.

Из всех признаков окказионального слова, на которые указывают упомянутые лингвисты, можно выделить упомянутые всеми.

Окказионализмы:

- 1) принадлежат речи, а не системе языка;
- 2) принадлежат индивидуальному автору;
- 3) неразрывно связаны с контекстом;
- 4) неузуальны;
- 5) экспрессивны сами по себе и имеют стилистическую нагрузку.

Согласно классификации, предложенной Н.Г. Бабенко [Бабенко 1997], окказионализмы делятся на:

1) фонетические, которые представлены звуковым комплексом, фонемный состав которого несет дополнительную смысловую нагрузку, заложенную автором;

2) лексические, созданные при помощи соединения узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой;

3) грамматические, образование которых сопровождается нарушением грамматической нормы;

4) семантические, образованные при помощи приращения смысла, который обретается в контексте;

5) окказиональные словосочетания, образованные нарушением семантической сочетаемости, т. е. входящие в состав слова, взятые по отдельности, не имеют общих сем, но приобретают их в данном контексте.

В связи с целью настоящей работы остановимся на лексических и грамматических окказионализмах. Лексические окказионализмы – это созданные автором слова, отсутствующие в языковой традиции и созданные с определенной художественной целью.

Лексические окказионализмы создаются по известным в языке деривационным способам. Окказиональное новообразование компонуется из уже существующих морфем, при этом окказионализмом является уже готовое слово, а не его составные части.

Такие исследователи, как Н.Г. Бабенко, Е.А. Земская, А.Г. Лыков отмечают наличие специфических признаков, которые помогают отделить окказионализмы от общеупотребительных слов. Наиболее важными из этих признаков являются следующие:

- речевая принадлежность;
- творимость слов (невоспроизводимость);
- словообразовательная производность;
- связь с конкретным контекстом;
- разовость употребления слов;
- экспрессивность;
- ненормативность;
- индивидуальная принадлежность;
- относительно постоянная новизна.

Среди причин, подталкивающих автора к созданию окказионализмов, Н.Г. Бабенко [Бабенко 1997] называет следующие.

1. Необходимость точного выражения какой-либо мысли, когда общеупотребительных слов становится недостаточно.
2. Стремление к краткости и емкости.

3. Потребность выразить свое собственное отношение к предмету, показать свое мнение, дать индивидуальную оценку.

4. Стремление обратить внимание читателей на семантику конкретного слова, что легко достигается с помощью необычной формы.

5. Потребность избежать повтора слов, тавтологии.

6. Стремление добиться комического эффекта.

Окказиональное слово возникает только в определенном контексте, но в то же время и само часто выступает как текстообразующая единица. Анализировать использование окказионализма можно только в свете его позиции в контексте и с учетом его связей с другими языковыми единицами. Толкование окказионализмов осуществляется с помощью синонима или синонимичного ряда, описательного оборота, словообразовательной перифразы или семантического очерка, который необходим для особо сложных окказионализмов с точки зрения структуры и семантики. Семантический очерк также используют для толкования новообразований, которые являются концептуальными текстообразующими средствами.

Повышенная выразительность авторских окказионализмов достигается за счет их выделения на фоне общеупотребительных узуальных слов. Окказионализмы, как правило, обладают непривычной формой, экспрессивно окрашены. И если семантика окказионализма привязана к конкретному контексту, то экспрессивность функционирует сама по себе, вне контекста. Окказиональные новообразования усиливают впечатляющее воздействие речи на читателя, передают неповторимость и своеобразие авторской речи.

Экспрессивность окказиональных слов носит ингерентный характер. Ингерентная экспрессия заключается в том, что окказиональное слово обладает экспрессивностью не за счет контекста и семантики, а за счет своих структурных особенностей и словообразовательного строения. Различные окказиональные новообразования обладают разной степенью экспрессивности: чем меньше отклонений от словообразовательной нормы и меньше

семантических нарушений правил словообразования, тем меньшей экспрессивностью будет обладать новое слово, и наоборот.

Грамматические окказионализмы, в отличие от лексических, представляют собой образования, в которых нарушается грамматическая норма. Лексическая семантика и грамматическая форма в таких словах находится в конфликте. Грамматические окказионализмы принято также называть морфологическими.

2.2. Типы грамматических окказионализмов в поэтических текстах М. Цветаевой

Число окказиональных слов в поэзии М. Цветаевой измеряется не десятками, а сотнями. В окказиональные образования вовлечены основные полнозначные части речи: существительное, глагол, прилагательное. В их создании используются продуктивные и непродуктивные словообразовательные типы, с расширением круг производящих основ [Ревзина 1989].

Окказиональные существительные представлены названиями лиц, отвлеченными именами со значением признака, абстрактными именами со значением действия и состояния, именами со значением места.

Названия лиц образуются:

а) суффиксальным способом – с помощью суффиксов *-тель*, *-щик*, *-ец* и др. («*хвататели минут*», «*высасыватель глаз*», «*заглатывательтайн*»; «*держись, злецы*», ср. также названия лиц женского рода: «*всеутолительница, жажда, уст – / Упокоительница*»;

б) сложением основ («*бредовар*», «*женомраз*», «*полодеры*»). Отвлеченные имена со значением признака представлены суффиксальными образованиями: с суффиксом *-ость* (основной тип): «*душность*», «*жаркость*», «*слепость*», «*тусклость*», «*простоволосость*»; с суффиксом *-изн* («*прямызна ресниц*», «*из слуховых глушизн*»), с суффиксом *-*

ын' («хвалынь-перелынь»), с нулевым суффиксом («рдянь», «сень», «ржавь», «теснь»).

Абстрактные существительные со значением действия и состояния содержат следующие типы:

1) с суффиксом *-ниј-* («струенье», «сквоженье», «оттолкновение», «задыхание» и др.). Окказиональное имя на *-ние* может возникнуть от глагола, восстанавливаемого с помощью обратного словообразования, ср. «ресничное-пересвёркивание», «последнее перетрагивание». Понятие «разминовение», играющее столь важную роль в поэтическом мире М. Цветаевой, является окказионализмом;

2) с суффиксом *-ств(о)* («приютство», «рьянство», «девчончество»),

3) с суффиксом *-к(а)* («взбегка», «сцепка», «склевка», «сплевка»),

4) с суффиксом *-б(а)* («урчьба», «звоньба»),

5) с суффиксом *-ож* («крутёж»),

б) с нулевым суффиксом («лѣжь», «ков», «взбег», «рык», «сшиб», «вжим», «вмах», «перестук», «переверт», «скоробезь», «скородышь»).

7) В особую группу выделяются существительные междометного типа («перх», «крѣхт», «чѣс» и др.).

Глагольные окказиональные образования (глагол, причастие, деепричастие) могут быть префиксальными и префиксально-суффиксальными. Префиксальные глагольные окказионализмы образуются с помощью приставок:

- *пере-* («пересмеялся», «перегородился», «перезлословил»). Такие формы могут рождать и новый глагол: «перевечил», «перемонаршил»),

- *у-* («усторожил», «упляшут»; «упоют»).

Суффиксально-префиксальный тип представлен моделями:

- *в-* + *-ива* / *-ыва* + *-ся* («впадываются», «вкрикиваются», «вшептываются»),

- *из-* + *-ива* + *-ся* («не издаривайся»),

- *по-* + *-ева* («пошалевать», «поволевав»),

- *вы-* + *-а, -и* («*выдышаться*», «*выстонала*», «*выкровяну*»).

Окказиональными являются формы повелительного наклонения, выходящие за нормы грамматической системы русского языка: «*Тони да не кань, Рухай, / Сонм сил и слав, Ржавь губы, Мрачи глаза, Словакия, словачь*» (от существительного *словак* восстанавливаемым по форме повелительного наклонения глаголом «*словачить*»), а также деепричастные формы («*паша*», «*пляша*», «*рвя*», «*жжа*» и др.).

Окказиональные прилагательные представлены в основном сложными словами («*слеполетейский мак*», «*сребролетейский плач*»). Сложносоставные прилагательные сконцентрированы в трагедиях М. Цветаевой.

Окказиональное слово действительно тогда, когда оно необходимо, то есть является единственным способом выразить нужный поэту смысл. Окказиональные слова в поэтическом языке М. Цветаевой делятся на две группы: имеющие и не имеющие синонимов в литературном языке.

Если окказиональное слово имеет словарный синоним, цель введения такого окказионализма – освобождение от лишних значений (лексических и стилистических), активизация тех значений производящего слова, которые не вошли в значение словарного синонима [Ревзина 1989], ср.:

Есть час на те слова.

Из слуховых глушизн

Высокие права

Выстукивает жизнь.

(«*Есть час на те слова...*», 1922)

В паре «*глухота – глушизна*» оба слова обозначают признак, отвлеченный от его, носителя. Но слово «*глухота*» в литературном языке имеет более конкретное значение (*глухота* – отсутствие слуха у человека, животного), а в переносном значении содержит отрицательную оценку (ср. моральная глухота). Оба этих значения не применимы к «звнящему» стиху М. Цветаевой (здесь важен и фонетический облик суффикса,

позволяющий в рифменной позиции соединить «*глушизн – жизнь*»), в котором речь идет о высоком часе познания смысла жизни. Ср. также:

Ночь: час молитвенностей:

Винт хочет вытянуться.

(«Поэма лестницы», 1926)

Возможно было бы: «Ночь: час молитв». Но в смысловую структуру стиха надо ввести два компонента: указание на торжественное состояние души во время молитвы и на открытость, внутреннее освобождение человека, обращающегося к богу, что сложным образом перекликается с физическим освобождением и расслаблением («Винт хочет вытянуться»). Этих значений нет в слове «*молитва*», но они есть в «*молитвенности*». В этом оправдание введения окказионализма и его художественная функция.

Если окказиональное слово не имеет словарного синонима, необходимость его введения может диктоваться разными причинами. Например, окказиональное слово вступает в сочетание, невозможное для производящего слова:

«В простоволосости сна

В гулкий оконный пролет

Ты –гордецу своему

Не махнувшая следом»(«Марина», 1921).

Частеречная транспозиция (перевод прилагательного в существительное) сообщает имени пропозитивную семантику, вводя представление о носителе признака –человеке; тем самым «*простоволосость сна*» –это определение и к тому, кто спит, и к самому состоянию сна;

б) окказиональное слово избавляется от ненужных в стихе значений, присутствующих в производящем слове:

«...Гляди: не Логосом

Пришла, не Вечностью:

Пустоголовостью

Твоей щебечущей

К груди...» («В пустынной храмине...», 1922).

Прилагательное *пустоголовый* содержит отрицательную оценку («пустоголовый»– «глупый», «бестолковый»), которая нейтрализуется книжным суффиксом *-ость*;

в) в окказиональном слове акцентированы смыслы, важные для передачи оценочной позиции.:

«О, с чем на Страшный суд

Предстанете: на свет!

Жеватели минут,

Читатели газет» –

ср. выражение *carpediem* «лови минуту». Окказиональное слово представляет погоню «за сегодняшним днем» как алчную захватническую позицию, что важно и для концепции времени, развиваемой М. Цветаевой, и для нравственного неприятия ею всякого захвата («*А, может, лучшая победа Над временем и тяготеньем / Отказом взять...»*);

г) окказиональное олово рождает новое понятие, ср. понятие «разминовения», ср. также:

Заочность: за оком

Лежащая, вящая явь» («Заочность», 1923).

В данной части работы мы рассмотрим функционирование окказиональных грамматических форм в поэтических текстах Марины Цветаевой.

2.3. Особенности функционирования грамматических окказионализмов в поэтических текстах

Поэтический язык М. Цветаевой характеризуется широким использованием стилистически маркированных грамматических средств: архаических, относящихся к высокому стилистическому ярусу, к сниженному стилистическому ярусу (ср. в «Полотерской»:

«По паркетам взъахивая,

Мы молей вымахиваем;

Трещи, мебели!

Ляжь, да не спрашивай»).

Поэтический язык М. Цветаевой насыщен окказиональными грамматическими формами, художественная необходимость которых может быть объяснена и доказана (ср.:

«Минута: мающая! Мнимость

Вскачь –Медлящая! В прах и хлам

Нас мающаяся!»

Причастная форма «*мающая* (не *мающаяся*)»наделяется признаком активности, далее выраженном лексически), ср.:

«Словоискатель, словесный хахаль,

Слов неприкрытый кран,

Эх, слуханул бы разок, –как ахал

В ночь половецкий стан!»(«Молвь», 1924)

Стихотворение «Молвь» представляет своего рода поэтический этюд на тему о семантике междометий: характер эмоционального состояния, передаваемого междометием «*ах*», связывается с артикуляционными характеристиками гласного (нижний подъем), ср. другие повторы в тексте:«*Ахнувший Соломон в мхах, тьмах*». Глагольная окказиональная форма «*слуханул*» переводит эмоцию лица, произносящего междометие *ах*, эмоцию воспринимающего это междометие.

Поэтический язык М. Цветаевой опирается на потенции грамматической системы русского языка и реализует эти потенции [Ревзина 1983]. В сфере глагола наибольшим преобразованиям в ее языке подвергается система глагольного управления (приобретение новых валентностей: «***Перестрадай же меня! Я всюду...***»; «***И назовет его нам в висок / Звонко щелкающий курок***»; «***От очевидцев скрою / В тучу!; мстить мостами***»; отказ от валентности: «*Жизнь, ты часто рифмуешь с лжив*»).В поэтических текстах М. Цветаевой в связь с глаголами физического действия

ставятся непредметные имена, имена пропозитивной семантики, с глаголами, указывающими на мыслительную, эмоциональную деятельность, – предметные имена, ср.:

«Из лепрозория лжи и зла

Я тебя вызвала и взяла

В зори: Из последнего сердца тебя, о недра,

Загораживаю»;

«–Море! –небом в тебя отваживаюсь:

Так будь же благословен –

Лбом, локтем, углом колен

Испытанный–как пила

В грудь въевшийся –край стола!»

В сфере существительного глубокую перестройку претерпевает категория числа. В поэтическом языке М. Цветаевой формы множественного числа образуются регулярно от отвлеченных имен:

- от непроизводных существительных («от вчерашних правд», «в склепотекущий склеп / Памятей»), от существительных с суффиксом *-изн* («над сбродом **кривизн**», «достаточно **дешевизн**», «в столбняке **глушизн**»);

- от имен с суффиксом *-ост'* («с моими дикостями, с моими тихостями, поверх закисей, поверх ржавостей, мнимостями опуцу, от вечных женственностей; древности, ревности, верности, низости, сухости, тусклости, слепости, седости» и др.),

- с суффиксом *-ств(о)* («Жарких самоуправств / Час – и тишайших просьб, / Час безземельных братств, / Час мировых сиротств»; «детств», «отверженств»; «штампованностей постоянств»; «нищенств», «студенчеств» и др.);

- с суффиксом *-от(а)/-ет(а)* («от высокаторжественных немот», «глотатели пустот»).

В поэтических текстах М. Цветаевой регулярно избирается форма множественного числа в тех случаях, когда по смыслу возможны обе формы:

«Крик станций: останься!

Вокзалов: о жалость!

И крик полустанков:

Не Дантов ли

Возглас:

«Надежду оставь!»

И крик паровозов».

(«Крик станций», 1923)

Ср. также: *«Что честно мое место в мире:*

Под колесами всех излишеств:

Стол уродов, калек, горбатых».

Многие генитивные цветаевские конструкции и номинативные метафорические конструкции создаются только в том случае, если существительное в родительном падеже стоит во множественном числе («С той же лампою вплоть: / Лампой нищенств, студенчеств, окраин» – невозможно *лампой нищенства, студенчества, окраины; «Чтобы монетами / Чудес – не чваниться!» - невозможно *монетой чуда: Весною стоков водосточных – невозможно *весною стока водосточного).

Глубинная семантика категории числа используется М. Цветаевой для выражения ее художественного видения мира. В форме единственного числа латентно содержится указание на пространственную и временную протяженность. В форме множественного числа признаки пространственной и временной протяженности стивыходят на явь, становятся очевидными. И косвенно множественное число связано с индикативом, указанием на то, что обозначается не просто класс предметов и явлений, составляющих однородное множество, а реально имевших место, подучивших вещественную реализацию, дифференцированных, неисчерпаемо многообразных объектов, составляющих это множество. Задача расширить границы времени и пространства, о чем говорилось в связи с описанием лексического уровня, решается на грамматическом уровне введением форм

множественного числа. *Крик станций, вокзалов, полустанков и паровозов* вводит представление о широком пространстве «земли людей» и о реальном существовании этого пространства. *Чудо*, понимаемое абстрактно, равно как и одно событие, названное чудом, не могут подвергнуться оценке; лишь *чудеса* можно оценить и квалифицировать как *монеты*: один водосточный *сток* ничего не скажет о *весне*: лишь их зримое, реально воплощенное множество позволяет оценить бегущую из них воду как регулярную и многократно наблюдаемую приметку весны. Формы множественного числа служат и для глубоких логических обобщений, и для создания ярких картин «мира сего».

Факт нарушения языковой нормы наблюдается на уровне всех частей речи, так, например, часто встречается **окказиональная субстантивация**. Выделяют служебные слова, перешедшие в разряд существительных, в то время как по нормам русского языка в разряд существительных переходят причастия, местоимения и прилагательные. В текстах же Цветаевой предлоги *мимо* и *между* представлены автором как существительные:

«Мост, ты не муж:

Любовник – сплошное мимо!» («Поэма Конца»).

Словообразование прослеживается и в окказиональной имперфективации – образовании глагола несовершенного вида от глагола совершенного вида с помощью отсоединения первого корневого согласного [в]:

«Глаз явно не туплю,

Сквозь ливень перюшь» («Поэма Конца»).

Данное авторское слово, по всей вероятности, было создано автором для того, чтобы передать длительность действия, его течение, продолжительность, не определяя временные границы и рамки.

В поэмах М. Цветаевой отмечены окказиональные формы полного причастия, которая может быть квалифицирована как страдательное причастие, например, образованное от глагола «*угрызть*» (производное от

глагола несовершенного вида «*грызть*»), что значит «загрызть до предела»:

«Чем слезу

Лить-то – ее грызу,

Не угрызому ни на столько» («С моря»).

По признанию исследователей, наибольшее количество потенциальных грамматических форм в текстах М. Цветаевой встречается именно у существительных, которые могут быть объединены в одну группу существительных множественного числа *singulariatantum*. В поэмах отмечены такие существительные, употребленные в несвойственной им форме. Все эти существительные можно распределить по группам:

1) имена, обозначающие понятия, связанные с духовной и психической жизнью человека: *лжи, тоски*;

2) отвлеченные имена со значением физиологического состояния: *жажды*;

3) наименования звуков: *шепоты*;

4) отвлеченные понятия: *изобилия, дешевизны, тесноты*;

5) названия суточных отрезков времени: *утра*.

В тексте такие слова употреблены в форме множественного числа родительного падежа:

«Гора горевала о голубиной

Нежности наших безвестных утр» («Поэма Горы»);

«Любят сласти-то

Червяки теснот!» («Поэма лестницы»).

Также отмечены случаи образования существительного родовой пары, несвойственной ему.

В поэмах М.И. Цветаевой встретилась единица (словоформа *мышом*), родовая принадлежность которой не закреплена языковой нормой:

«Бочком, бочком,

Шмыжком, шмыжком

Играючи да крадучись –

Что кот с мышом!» («Царь-Деввица»).

Как потенциальные грамматические формы квалифицируются также такие формы существительных множественного числа, которые создаются при использовании нехарактерных для них формантов. К подобным случаям относятся новообразования «гнезды» и «стёклы» (последняя словоформа в текстах поэм встречается дважды), например:

«Ой, рот ты мой блёклый,

Глаза мои стёклы –

Ой, ветлы!» («Царь-Деввица»).

Уникальной потенциальной единицей является словоформа *ушеса*:

«Не в ушеса, а в слух

Вам протрубят к обедне» («Крысолов»).

Грамматические новообразования окказиональных прилагательных выделяются в поэмах М. Цветаевой в отдельную, одну из самых многочисленных, группу. При этом преобразовываются краткие формы прилагательных и степени сравнения.

В русском языке некоторые качественные прилагательные не образуют кратких форм, у М. Цветаевой же мы встречаем такие новообразования, как «башковит», «красовит», «щедровит», «голубо», «гнед» и др.

Также в русском языке не образуют кратких форм и качественные прилагательные, называющие масти животных, в поэмах же мы встречаем новообразование «гнед», являющееся краткой формой слова «гнедой»:

«Под комиссаром шел бы –гнед.

Для марковца – бел свет:

У нас теней не черных – нет,

/ Коней не белых – нет» («Перекоп»).

Подобное новообразование здесь используется прежде всего для создания ритма в строфе, подходящего к быстроменяющимся действиям

произведения, а также потому что предикат «*гнед*» не требует подлежащего-существительного «*конь*», которое опущено.

Итак, рассмотренные выше грамматические формы являются потенциальными, поскольку краткие формы присущи большинству качественных прилагательных, и в данном случае появление подобных форм заполняет пустующие «ячейки» в парадигме прилагательных «*щедровитый*», «*красовитый*», «*башковитый*», «*голубой*» и «*гнедой*».

В поэтических текстах М. Цветаевой отмечены краткие прилагательные, образованные от относительных прилагательных, например, прилагательное «*нечеловеческий*» в поэме «Молодец» появляется в краткой форме «*нечеловецк*», которая невозможна и по причине морфологических ограничений.

Примером краткой формы притяжательного прилагательного является словоформа «*лебедин*», образованная от «*лебединый*»:

«Дитя... Откуда-то – востер

Клинок! – крик лебедин»(«Перекоп»).

Указанная единица может быть квалифицирована как не соответствующая языковой норме, поскольку от прилагательного на *-иный* краткие формы образованы быть не могут. Автор использует ее, демонстрируя факт перевода прилагательного «*лебединый*» в разряд качественных. М.И. Цветаева наполняет словоформу «*лебедин*» новым «качественным смыслом: пронзительный, сильный [Бондарева 2007: 214].

Следующую группу потенциальных грамматических форм прилагательных составляют синтетические формы сравнительной (компаратив) и превосходной (суперлатив) степеней сравнения.

К группе потенциальных грамматических компаративов относятся такие прилагательные в форме сравнительной степени, как «*почвеннее*», «*снеговее*», «*громовее*», «*несомненнее*», «*поголее*», факт образования которых может быть квалифицирован как нарушение нормы языка.

Узуальные единицы типа «*посильнее*», «*поновее*», «*посвежее*», образованные от качественных прилагательных, как правило, являются принадлежностью разговорного стиля речи, обладают большей экспрессией. Обращение М.И. Цветаевой к подобной форме, на наш взгляд, вызвано желанием актуализировать в тексте поэмы не столько значение прилагательного «*голый*», сколько значение слова «*голь*» – «песчаная отмель, оголяемая при сгонѣ или выгонѣ воды». Автор, таким образом, подчиняет грамматическую форму значению слова.

В число потенциальных грамматических форм имен прилагательных включаются такие компаративы, образование которых осуществляется посредством не свойственных им формантов.

К ним относятся новообразования «*здоровше*», «*ширше*» – формы сравнительной степени от качественных прилагательных «*здоровый*», «*широкий*». М.И. Цветаева использует их в фольклорных поэмах в речи персонажей.

К уникальным образованиям простой сравнительной степени прилагательного относится потенциальная грамматическая форма, появившаяся в результате смешения членов парадигм прилагательных «*резкий*» и «*редкий*». Поэт образует от слова «*резкий*» компаратив «*реже*», являющийся членом парадигмы прилагательного «*редкий*», вместо ожидаемого «*резче*». Данное новообразование встречается дважды в «Поэме Воздуха». Приведем один из контекстов:

«О, как воздух резок:

*Резок, **реже** гребня*

Песьего, для песьих

Курч»(«Поэма Воздуха»).

Благодаря подобной подмене компаративов М.И. Цветаева достигает смешения смыслов двух слов. Это необходимо для описания посмертного пути лирического «я», который начинается с «землеизлучения», когда преодолевается насыщенный и густой «первый воздух». Затем, по мере

продолжения «вознесения», воздух становится разреженным, герой начинает резко и остро ощущать его нехватку [Бондарева 2007: 217].

Одна из наиболее значимых грамматических категорий, приобретающих, по замечанию Л.В. Зубовой, «идеологический смысл в поэзии Цветаевой» [Зубова 1999] – форма превосходной степени. К этой группе относятся новообразования «неисправимейшая», «лживейшая», «сверхестественнейшая», «незастроеннейшая», «непреложнейшее», «христианнейшая», представляющие собой синтетические формы суперлатива.

Большим разнообразием отличаются отмеченные в поэмах автора потенциальные грамматические формы глаголов, что вполне закономерно, поскольку в смысле использования писателем стилистической многогранности частей речи большие возможности представляет глагол.

Так, в текстах М.И. Цветаевой окказиональному преобразованию подвергается возвратный глагол «сниться», не употребляющийся без *-ся*. Под пером поэта он «утрачивает» возвратность, образуя форму без *-ся*: *сню*. Игнорируя возвратность, поэтесса тем самым лишает глагол «сниться» способности выражать значение действия, направленного на сам субъект.

В поэме «Перекоп» мы встречаем несколько потенциальных грамматических форм личных глаголов, свойственных территориальным диалектам: «*понимашь*», «*понимаю*», «*перейти*». Определение грамматического значения данных единиц возможно благодаря схожести с грамматическими формами литературного языка «*понимаешь*», «*понимаю*», «*перейти*»:

«Пот-то – наш,

И власть – нам.

Понимашь?

– Понимаю» («Перекоп»).

В «Поэме Конца» употребляется еще одна непривычная грамматическая форма «*рдянь*», представляющая собой форму повелительного наклонения ед. ч. глагола «*рдеть*»:

«– *Мни, да не тискай!*

/– ***Рдянь** – не редиска!*

– *По – лушка с миской!*» («Крысолов»).

В поэтических текстах М. Цветаевой представлены потенциальные деепричастные формы, например: «*не паша, пляша*».

Создание деепричастных форм от ряда глаголов несовершенного вида является языковым нарушением. К таким случаям относятся цветаевские окказионализмы «*пляша*» и «*(не) паша*» – деепричастные формы, образованные от глаголов непродуктивного класса с основой настоящего времени на шипящую – «*пляшут*», «*пашут*». Приведем один из контекстов:

«*Споло'шный колокол! – Велик*

Пожар! – Душа горит!

***Пляша** от страшной красоты,*

На красных факелов жгуты!» («На красном коне»).

Представляется, что выбор потенциальной деепричастной формы *пляша* обусловлен задачей звуковой инструментовки строфы. Чтобы создать яркую образную картину полыхающего огня, передать звуки, рассказать об охвативших лирическую героиню чувствах, поэт прибегает к аллитерации. М.И. Цветаева использует ряд слов с согласными [ж] и [ш], тем самым воспроизводя звуки шипящего, всепоглощающего, обжигающего, удушающего пламени.

Потенциальные грамматические формы встречаются у М. Цветаевой и среди причастий. Проанализировав эту разновидность грамматических новообразований, мы выделили две группы: полные формы и краткие формы. Последние в текстах поэтессы встречаются чаще, чем первые. Так,

в поэме «Перекоп» отмечен пример потенциальной краткой формы действительного причастия:

*«Чертополохом – веселей,
Конь! Далеко до куц!
Конечно, белого белей
Конь, марковца **везуц!**» («Перекоп»).*

Автор создает единицу «везуц» – краткую форму действительного причастия «везущий» (по аналогии с прилагательными), тем самым нарушая языковую норму, согласно которой образовать краткую форму действительных причастий невозможно.

Примерами потенциальных грамматических форм, имеющих соответствия в древнерусском языке, являются единицы «*сшед*», «*перешед*» – краткие действительные причастия прошедшего времени. Интересно, что данные формы встречаются в «Поэме Конца» и поэме «Автобус» – произведениях, лишенных древнерусского «колорита», – и, следовательно, внедрение в них архаических форм нельзя расценивать как стилизацию:

*«Позеленевшим, прозревшим глазом
Вижу, что счастье, а не напасть,
И не безумье, а высший разум:
С трона **сшед** – на четвереньки пасть...» («Автобус»).*

Большая часть глагольных форм, которые встречались в древнерусском языке, но в настоящее время утрачены, встречаются у Цветаевой в поэмах, не связанных с фольклором («Поэма Конца», «Поэма Лестницы», «Перекоп», «Автобус» и др.), поэтому их также можно отнести к окказиональным грамматическим формам. Благодаря своей архаичности такие формы способны придать произведению особый стиль, создать языковые образы.

Далее стоит рассмотреть потенциальные грамматические формы, которые образованы от лексических окказионализмов. По большей части, такие единицы встречаются среди прилагательных и глаголов.

Потенциальные грамматические формы прилагательных представлены краткими формами «цедок», «гудок», «ливок», «веек» и синтетическими формами сравнительной степени «цедче», «движче», «ливче», «гудче». Данные новообразования возникли на базе окказиональных прилагательных, полные формы которых мы определили по кратким, предполагая, что они образовались, согласно традиции, по аналогии с парами «крепкий – крепок», «краткий – краток».

Появление подобных форм, на наш взгляд, объясняется желанием автора поведать читателю о таких признаках предметов, наименование которых отсутствует в русском языке

В цветаевских текстах мы встречаем также такие инновации, как «сплечившись» (действительное деепричастие совершенного вида, прошедшего времени, образованное от окказионального глагола «*сплечиться» в значении «прижаться плечами, сблизиться»), «поволевав», «пошалевав» (действительные деепричастия совершенного вида, прошедшего времени, образованные от «*поволевать» в значении «некоторое время проявлять волю, поступать как хочется, распоряжаться», «*пошалевать» в значении «некоторое время своевольничать»):

«Стоим, сплечившись круто:

Бок в бок, ладонь в ладонь («На красном коне»).

Потенциальные грамматические формы, образованные от окказиональных единиц, демонстрируют как лексические, так и грамматические возможности языка.

Приведенный выше анализ употребления окказиональных грамматических форм в поэтических текстах показал, что основными причинами создания подобных новообразований являются отсутствие в языке необходимых форм, способных передать верное семантическое значение и необходимость лаконично и доступно выразить мысль.

Таким образом мы рассмотрели лексические и грамматические окказионализмы и сделали вывод, что к окказиональным словам можно

отнести слова образованные по малопродуктивным и непродуктивным словообразовательным моделям. В работе мы рассматривали как потенциальные слова, так и собственно авторские конструкции, так как они все интересны для нас с точки зрения функционирования в художественном языке.

Повышенная выразительность авторских окказионализмов достигается за счет их выделения на фоне общеупотребительных узуальных слов. Окказионализмы, как правило, обладают непривычной формой, экспрессивно окрашены.

В произведениях М.Цветаевой нами были обнаружены грамматические окказионализмы, функционирующие на уровне разных частей речи - существительных, глаголов, прилагательных, местоимений, причастий. Наибольшим преобразованиям подверглась категория числа, что является характерной особенностью авторского словообразования.

Приведенный выше анализ употребления окказиональных грамматических форм в поэтических текстах показал, что основными причинами создания подобных новообразований являются отсутствие в языке необходимых форм, способных передать верное семантическое значение и необходимость лаконично и доступно выразить мысль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык – это отражение общества, его культурного, экономического, политического состояния. Слова отражают время, и любые новообразования в языке делают это лучше всего. Анализ теоретического материала показал, что существует два подхода к определению понятия авторских нововведений. Некоторые лингвисты придерживаются более широкого понимания и считают их разновидностью неологизмов, другие же – выделяют их в отдельную группу лексических новообразований.

Из всех признаков окказионального слова, на которые указывают лингвисты, можно выделить самые основные. Авторские слова:

- принадлежат речи, а не системе языка;
- принадлежат индивидуальному автору;
- неразрывно связаны с контекстом;
- неустойчивы.

Изучение неологизмов и окказионализмов в художественных текстах позволяет понять истинный замысел автора, идею произведения. Окказионализмы в поэтических текстах – это не просто языковое средство выразительности. Это возможность донести через форму идеи автора.

Окказиональное слово возникает только в определенном контексте, но в то же время и сам часто выступает как текстообразующая единица. Анализировать использование окказионализма можно только в свете его позиции в контексте и с учетом его связей с другими языковыми единицами. Окказиональное слово обладает экспрессивностью не за счет контекста и семантики, а за счет своих структурных особенностей и словообразовательного строения.

Грамматические окказионализмы, в отличие от лексических, представляют собой образования, в которых нарушается грамматическая норма. Лексическая семантика и грамматическая форма в таких словах находится в конфликте. Грамматические окказионализмы принято также называть морфологическими.

Создание лексических, фразеологических, грамматических, фонетических и синтаксических новаций со значительными отклонениями от литературной нормы обусловлено стремлением авторов художественных и публицистических текстов к выражению индивидуальности, созданию новых образов и выражению экспрессивности. Эти новообразования и носят название индивидуально-авторских слов или авторских неологизмов. Также их называют стилистическими неологизмами или авторскими окказионализмами.

В произведениях М. Цветаевой используются разные формы словообразования, так, например, названия лиц образуются суффиксальным способом и сложением основ. Глагольные окказиональные образования (глагол, причастие, деепричастие) могут быть префиксальными и префиксально-суффиксальными. Окказиональными являются формы повелительного наклонения, выходящие за нормы грамматической системы русского языка, а также деепричастные формы.

Окказиональные прилагательные представлены в основном сложными словами («*слеполетейский мак*», «*сребролетейский плач*»). Сложносоставные прилагательные сконцентрированы в трагедиях М. Цветаевой.

Поэтический язык М. Цветаевой опирается на потенции грамматической системы русского языка и реализует эти потенции. В сфере глагола наибольшим преобразованиям в ее языке подвергается система глагольного управления. В сфере существительного глубокую перестройку претерпевает категория числа.

Глубинная семантика категории числа используется М. Цветаевой для выражения ее художественного видения мира. В форме единственного числа латентно содержится указание на пространственную и временную протяженность. В форме множественного числа признаки пространственной и временной протяженности выходят на явь, становятся очевидными. Задача расширить границы времени и пространства, о чем говорилось в связи с

описанием лексического уровня, решается на грамматическом уровне введением форм множественного числа.

Факт нарушения языковой нормы наблюдается на уровне всех частей речи, так, например, часто встречается окказиональная субстантивация. Выделяют служебные слова, перешедшие в разряд существительных, в то время как по нормам русского языка в разряд существительных переходят причастия, местоимения и прилагательные и даже предлоги.

В заключение нашей работы, посвященной анализу грамматических окказионализмов в поэтических текстах Марины Цветаевой, мы можем сказать, что основной причиной их появления стало отсутствие в русском литературном языке тех форм, которые могли бы передать необходимое значение, донести смысл, заложенный автором. М. Цветаева активно прибегает к образованию новых форм, невзирая на правила словообразования.

Для М. Цветаевой было крайне важно передать в своих произведениях многообразие человеческих чувств и эмоций, поэтому поэтесса использует новые формы для передачи настроения, атмосферы, царящей в стихотворении. Непривычная для читателя форма бросается в глаза, обращает на себя внимание, усиливает семантическое значение и тем самым выделяет необходимые лексические единицы.

Через новообразования в языке М. Цветаева передает свое личное отношение к предмету, дает индивидуальную оценку происходящему. Личное переживание проблемы, искренность являются основными чертами авторского стиля М. Цветаевой, именно через окказиональное творчество она доносит свое личное «я» до читателя.

Приложение

Факультативное занятие по лирическим произведениям М. Цветаевой

Цели:

- познакомить с жизнью и творчеством поэтессы; оказать сильное эмоциональное воздействие на школьников, чтобы пробудить у них интерес к личности автора и его произведениям;
- развивать навыки монологической речи и выразительного чтения, умения выступать перед аудиторией, навыки конспектирования лекции;
- пробудить чувство гордости за богатство и разнообразие творчества этого уникального поэта.

Ход урока

Слово учителя: «Трудно говорить о такой безмерности, как поэт. Откуда начать? Где кончить? И можно ли вообще начинать и кончать, если то, о чем я говорю: Душа - есть всё - всюду - вечно». (Марина Цветаева. «Слово о Бальмонте»)

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я - поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
- Нечитанным стихам! -
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Итак, мы сегодня мы говорим о М.Цветаевой. По ходу урока заполните, пожалуйста, пустые строки. (У всех на партах лежат листы с дополнительными заданиями)».

М.И.Цветаева родилась в Детство ее прошло в..... Стихи начала писать с лет . В году скончалась от чахотки мать, Мария Александровна Цветаева - Мейн. Первый сборник стихов вышел в году. Он называется «.....».Одобрительную рецензию получила от..... . Написала первую критическую статью «.....». Находясь в гостях у в, познакомилась с будущим мужем В году состоялось венчание М.Цветаевой и С.Эфрона. В феврале 1912 года выходит вторая книга «.....».сентября родилась дочь В1913 году выходит 3 сборник «.....».30 августа 19.... скончался отец И.Я.Цветаев. В1917 году написано несколько, в том числе- на революцию. 13 апреля родилась дочь, впоследствии умерла от истощения в В1922 году пишет прощальные стихи, написала поэму «.....», прощание с Москвой. В 19.... году уезжает за границу. В19.... году в Берлине вышли две ее книжки: «.....», «.....». В Чехии пробыла с августа 19.... по октябрь 19...., жила в деревнях почти в нищете. В19.... - рождение сына (.....). В19.... г.- возвращение на Родину. В 19г.ушла из жизни в городе

«Кто создан из камня, кто создан из глины,-

А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело – измена, мне имя – Марина,

Я – бrenная пена морская.» –

«Так писала о себе Марина Цветаева. Морская пена изменчива, она рождается с каждой новой волной. Вероятно, изменчивость своей природы, способность восхищаться, возрождаться и пыталась подчеркнуть в этой поэзии Цветаева. Одни восхищались ею, другие – не понимали. Но творчество Цветаевой никого не оставляло равнодушным.

Сегодня и мы откроем страницы жизненной книги Марины Цветаевой, раскроем причины ее жизненной и творческой трагедии. Цель нашего урока – не остаться равнодушными к памяти замечательного поэта, развивать в

себе чувство прекрасного, уметь читать стихи и эмоционально на них откликаться, воспитывать уважение к чувствам другого человека, способность сопереживать.

Марина Цветаева говорила так: «Вся моя жизнь – роман с собственной душой» и «Возьмите стихи – это и есть моя жизнь». К этому уроку вам дано было задание, в котором вы должны были проработать основные этапы жизни поэтессы, подтвердив их стихами.»

1-й уч:« Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября(по старому стилю) 1892 года в Москве. Отец – сын священника, филолог, доктор Болонского университета, профессор истории искусств сначала в Киевском, затем в Московском университете, директор Румянцевского музея, основатель и единоличный собиратель первого в России музея изящных искусств в Москве. Герой труда. Умер в Москве, вскоре после открытия музея. Личное состояние (скромное, потому что всегда помогал нуждающимся) оставил на школу в Талицах. Библиотеку, огромную, трудноприобретенную, не изъяв ни одного тома, отдал в Румянцевский музей. Мать – польской княжеской крови, ученица Рубинштейна, редкостно одаренная в музыке. Умерла рано. Стихи от нее, библиотеку (свою и дедовскую) тоже отдала в музей. Так от нас, Цветаевых, досталось Москве три библиотеки. Отдала бы и свою, если бы за годы революции не пришлось продать.

...Стихи пишу с 6 лет. Печатаю с 16. Писала и французские, и немецкие. Литературных влияний не знаю, знаю человеческие...

Любимые вещи в мире: музыка, природа, стихи, одиночество.» – «Так писала о себе Марина Ивановна.»

Учитель:« У Цветаевых была большая библиотека, и любовь к книгам проявилась у Марины очень рано. Это была первая и пожизненная любовь. Вот что писала об этой срасти лучший исследователь жизни и творчества поэтессы Анна Саакянц: «Простое и хотя бы приблизительное перечисление того, что прочла Цветаева к 18-ти годам, показалось бы неправдоподобным

по количеству и разнообразию. Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Лев Толстой ... Немецкие и французские романтики, Гюго, Ламартин, Ницше, Жан-Поль Рихтер. Романы Чарской и пьесы Ростана, Гейне, Гете, книги, связанные с Наполеоном и многие другие.

Кстати, интересны воспоминания по этому поводу одной из одноклассниц Цветаевой»:

2-ой уч: «Это была ученица совсем особого склада. Не шла к ней гимназическая форма, ни тесная школьная парта ... Из её внешнего облика мне особенно запечатлелся нежный, «жемчужный цвет её лица, взгляд близоруких глаз с золотистым отблеском сквозь прищуренные ресницы. Короткие русые волосы мягко ложатся вокруг головы и округлых щек. Но, пожалуй, самым характерным для неё были движения, походка - легкая, неслышная. Она как-то внезапно, вдруг, появится перед вами, скажет несколько слов и снова исчезнет, а потом смотришь, вот она снова сидит на последней парте и, склонив голову, читает книгу. Она неизменно что-то читала или писала на уроках, явно безразличная к тому, что происходит в классе».

Учитель:« Любовь к книгам не могла не отразиться и в творчестве М. Цветаевой. Вот одно из первых ее стихотворений «Книги в красном переплете».

(Уч-к читает наизусть)

Книги в красном переплете

Из рая детского житья

Вы мне привет прощальный шлете,

Неизменившие друзья

В потертом, красном переплете.

Чуть легкий выучен урок,

Бегу тотчас же к вам, бывало.

- Уж поздно! – Мама, десять строк! ..

Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки ...
Как хорошо за книгой дома
Под Грига, Шумана, Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет ... В воздухе свежо ...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры ...
О, золотые времена:
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Учитель: «Поэтесса с детства проявляла любовь к книгам, сама писать тоже начала рано, с 6 лет. В печати же ее произведения появились в 1910 году, когда она в 18 лет издала на собственные средства свою первую книгу стихов *«Вечерний альбом»*. Игнорируя принятые правила литературного поведения, Цветаева решительно демонстрировала собственную независимость. Писание стихов она представляла не как профессиональное занятие, а как частное дело и непосредственное самовыражение.

Годом позже происходит встреча поэтессы с будущим мужем Сергеем Эфроном.»

3-й уч-к: «5 мая 1911 года, приехав в Коктебель в гости к поэту Максимилиану Волошину, Цветаева встретила Сергея Эфрона. Это была любовь с первого же дня - и на всю жизнь.

Вдумайтесь: Марина и Сережа родились в один день, 26 сентября, но Марина была годом старше. 16 октября 1941 года расстреляли Сергея. В этом же 1941 году покончила с собой Марина. Если кто-то скажет, что это – случай, совпадение – ошибется. Это судьба. Горькая судьба!

Ему было семнадцать, ей – восемнадцать. Он подарил ей на коктебельском берегу сердоликовую бусину ...

Письма, которые они писали друг другу всю жизнь, невозможно читать бесстрастно, как образцы эпистолярного жанра. Это – потрясение, это невозможный накал страстей.

Сергей – Марине: «Я живу верой в нашу встречу. Без Вас для меня не будет жизни, живите! Я ничего от Вас не буду требовать – мне ничего не нужно, кроме того, чтобы Вы были живы.

Берегите себя, заклинаю Вас ... Храни Вас Бог. Ваш С.»

Вот так, на «Вы», они были всю жизнь. Сквозь войны, чужие кухни, нищий быт, в лохмотьях – но на «Вы»! В этом «Вы» была не отчужденность, а гордость с уверенностью в ближнего, с уважением к нему.

Учитель: «Чувством гордости, уважения и любви пронизаны стихотворения Марины Цветаевой, посвященные мужу Сергею Эфрону. Послушайте одно из таких стихотворений, написанное в 1914 году, через 2 года после их венчания».

(Уч-к читает наизусть)

С.Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге!
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно– великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.
Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно– бесполезны!
Под крыльями раскинутых бровей
Две бездны.
В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху!

Такие – в роковые времена–

Слагают стансы – и идут на плаху.

Учитель: «Цветаева любила и гордилась своим мужем, но их семейное счастье было недолгим, его разрушила Гражданская война. Сергей Эфрон вместе с Белой армией эмигрировал, она осталась одна с двумя дочерьми. Вспоминала, как «добывала» мороженую картошку. Вот, что она писала об этом времени: «Картошка на полу: заняла три коридора. Брать нужно руками ... Не оттаявшая слиплась в чудовищные гроздья. Я без ножа. И вот, отчаявшись (рук не чувствую) беру какую попало: раздавленную, мороженую, оттаявшую ... Мешок уже не вмещает. Руки, окончательно окоченев, не завязывают. Пользуясь темнотой, начинаю плакать, причем тут же и прекращаю ... Взваливая, тещу». Это были тяжелейшие годы в жизни Цветаевой.»

4-й уч-к:« В феврале 20-го года умерла от голода младшая дочь Цветаевой Ирина. Как писала сама поэтесса: «Старшую у тьмы выхватывая, младшей не уберегла».

В страшное время Цветаева находила силы помогать другим. Поэт Константин Бальмонт вспоминал: «В голодные дни Марина, если у нее было шесть картофелин, приносила мне три. Когда я тяжело захворал из-за невозможности достать крепкую обувь, она откуда-то раздобыла несколько щепоток настоящего чаю... »

Учитель:« Поэтесса была хорошо знакома не только с Константином Бальмонтом, с которым делила последний кусок хлеба во время гражданской войны, но и с Валерием Брюсовым, Максимом Горьким, В. Маяковским, Б. Пастернаком, Анной Ахматовой и другими талантливейшими людьми конца 19 – начала 20 века. Им она посвящала свои стихи. Особенной любовью проникнуты строки, посвященные ее поэтическому идеалу – Александру Блоку»

(Уч-к читает наизусть)

Имя твое - птица в руке,

Имя твоё - льдинка на языке.
Одно-единственное движение губ.
Имя твоё - пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твоё гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твоё, -ах, нельзя!
Имя твоё - поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твоё - поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим - сон глубок.

Учитель: «В 1922 году Марина Цветаева с дочерью уехали в Берлин, где после долгой разлуки встретила мужа. Позже семья переехала в Чехию, где родился сын Георгий. Потом были долгие метания по Франции. Об этом времени так вспоминала её дочь Ариадна Эфрон»:

5 уч-к: «По всем своим городам и пригородам (не об оставленной России говорю) Марина прошла инкогнито, твеновским нищим принцем, не узнанная и не признанная ни Берлином, ни Прагой, ни Парижем (у кого она в моде сейчас ...).

Если бы она была (а не слыла!) эмигранткой, то как-нибудь, авось да небось, притулилась бы на чужбине среди «своих».

Если бы она была просто женой своего мужа и матерью своих детей, то не все ли равно, в конце концов, – где, лишь бы вместе?

Если бы она была «поэтом – трансплантатом», умеющим приспособиться, как иные прочие, то богемные кафе богемных кварталов послужили бы ей убежищем ...

Если бы она не была собой! Но собой она была всегда!

Учитель: «Да, она всегда была собой! Будучи истинным патриотом своей родины, Цветаева не могла найти себе места в чужой стране.»

6 уч-к: « Вот что пишет М.Цветаева в своем дневнике в те годы: «Я здесь никому не нужна. Но какой это холод, какая условность, какое висение на ниточке и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность... Все меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там невозможна...»

Учитель: «Находясь в эмиграции М.Цветаева постоянно думала о родине. В стихотворении, обращенном к Борису Пастернаку, звучат ноты непередаваемой тоски и грусти о России.»

(Уч-к читает наизусть)

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
Ты, в погудке дождей и бед –
То ж, что Гомер в гексаметре.
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.

Учитель:« Цветаева была патриотом своей родины. Она не просто тосковала по России, она гордилась ей. Позже 12 мая 1932 года она напишет о следующие строки:

Родина (наизусть)

О неподатливый язык!
Чего бы попросту - мужик,
Пойми, певал и до меня:

- Россия, родина моя!
Но и с калужского холма ё
Мне открывалась она
Даль, - тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!
Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль - всю ее с собой несу!
Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»
Ты! Сей руки своей лишусь
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля
Гордыня, родина моя!

Цветаева гордилась своей родиной и мечтала вернуться домой в Россию. В 1937 году Сергей Эфрон, ради возвращения в СССР, становится агентом НКВД за границей, оказавшись замешанным в заказном политическом убийстве, бежит из Франции в Москву. Летом 1939 г. вслед за мужем и дочерью Ариадной возвращается на родину и Цветаева с сыном Георгием. В том же 39-м году дочь и муж были арестованы. Сама Цветаева не могла найти ни жилья, ни работы; ее стихи в это время не печатались. Но, несмотря на это, она продолжала писать и надеяться, что когда-нибудь, в далеком будущем ее поэзия будет востребована. Стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...» стало пророческим. После более чем полувекового молчания настало время ее стихов. Послушайте его».

(Уч-к читает наизусть)

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,

Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! – -
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Учитель:« Наконец, настало время ее стихов, когда мы по достоинству можем оценить талант поэтессы. Значит жизнь была прожита не зря, хоть и завершилась она очень трагично. 31 августа 1941г в Елабуге М. Цветаева приняла решение уйти из жизни. Одиночество, состояние безысходности, душевные страдания привели ее к гибели. Как Н. Заболотский, Осип Мандельштам и многие другие писатели, она стала жертвой сталинского тоталитарного режима».

(Уч-к читает наизусть)

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
ЧТО звали меня Мариной
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя ...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились ...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед,
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли ... –
И пусть тебя не смущает
Мой голос из– под земли.

Учитель:« В этом итоговом стихотворении тесно связаны такие понятия, как жизнь и стихи, т.е. поэтическое творчество. И действительно, вспомните эпиграф к уроку: «Стихи – есть бытие», т.е. стихи для Цветаевой есть сама жизнь. Мы видим, что вся ее жизнь отразилась в стихах.»

Итог урока.

Заключительное слово учителя: «Марина Цветаева – поэт яркий, самобытный и неповторимый. Она заняла достойное место в поэзии «серебряного века».

Наследие Марины Цветаевой – сборники лирических стихотворений, несколько стихотворных драм, семнадцать поэм, лирические эссе и философские этюды, мемуарная и историко – литературная проза, воспоминания и размышления.

Она писала о любви и верности, о земной жизни и страстях, о романтическом прошлом и непонятном будущем, о смутном времени

русской истории, о героических и страдающих натурах, о роли поэта и поэзии в противоречивом мире, о море, опасном и неисчерпаемом, о любимых А. Пушкине и А. Блоке... Писала много и вдохновенно.

Цветаева обладала даром улавливать, казалось бы, совсем незаметные движения человеческой души и давать им точные характеристики. Потому, может быть, что сама жила прежде всего сердцем – страстным, жаждущим добра и любви».

Домашнее задание: написать сочинение – эссе на тему «Моё любимое стихотворение Марины Цветаевой»

Список использованной литературы

1. Антюфеева Ю. Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм / Ю.Н. Антюфеева. – 2004. – 184 с.
2. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно–семантический анализ. – Калининград, 1997.
3. Бондарева А.Г. Грамматические окказионализмы в авторском тексте // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. – Архангельск: ПГУ, 2007. – Вып. 3. – с.
4. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке [Текст] : пособие для студентов и учителей / А.А. Брагина. – М.: Просвещение, 1973. – 154 с.
5. Будагов Р. А. Человек и его язык/Р.А. Будагов. – М., 1976. – 155с.
6. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Лексика и общие замечания о слоге. 2-е изд. Киев, 1957.
7. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник. -М., 2001.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
9. Винокур Г.О. Маяковский –новатор языка. – М.: Сов.писатель, 1943.
10. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980.
11. Вознесенский, А. А. Поиск себя – иск к себе... [Текст] / А.А. Вознесенский // Книжное обозрение. – 1990. – №6. – С. 8-9.
12. Вознесенский, А. А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе [Текст] / А. А. Вознесенский. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. – 1223 с.

13. Габинская, О.А. Типология причин словотворчества [Текст] / О.А. Габинская. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. – 153 с.
14. Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике. Владикавказ, 2005.
15. Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. – М., 1979.
16. Елисеева В.В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте). – СПб, 1984.
17. Ефимов А.И. О языке художественных произведений. - М., 1954.
18. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. – М.: Высшая школа, 1992. – 220 с.
19. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование: Учебное пособие. – М., 1973.
20. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка, – М.: Высшая школа, 1989.
21. Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой: (Фонетика, словообразование, фразеология). - СПб., 1999.
22. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. – СПб, 2006.
23. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля. // Филологические науки. – 1972. – №1.
24. Калинин А.В. Лексика русского языка. Учеб.пособие для студентов вузов. М.: Просвещение, 1978.
25. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. 1. М.: «Изд-во лит-ры на иностр. яз.», 1960, ч. 2. – М.: «Высшая школа», 1965.
26. Король Т.В. Окказиональные сложные существительные в современном немецком языке (на материале произведений Э. Штриттматера): Дис. канд. филол. наук. – Рига, 1967.

27. Козакова А.А. Особенности употребления грамматических категорий числа и степени сравнения в идиостиле Марины Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2000.
28. Кубрякова Е. С. О двойкой сущности языковых категорий и новых приемах в их изучении // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. – М., 1998.
29. Куликова Ю. О. Поэтика автобиографической прозы М. И. Цветаевой : магистерская работа / науч. рук.канд. филол. наук, доц. Н. П. Евстафьева. - Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. - 63 с.
30. Лаврова Н.А. К вопросу о неологической лексике и о месте контаминантов среди неолексем. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 9.
31. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988.
32. Лопатин, В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования.– М.: Наука, 1973.
33. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово).– М.: Высшая школа, 1976.
34. Марченко, А. Ностальгия по настоящему [Текст] / А. Марченко // Вопросы литературы. – 1978. – № 9. – С. 66-94.
35. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие / В. А. Маслова. - М.: Флинта: Наука, 2004. - 256 с.
36. Милославский, И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза [Текст] / И.Г. Милославский. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 293 с.
37. Моисеев, А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке [Текст] : Учебное пособие / А. И. Моисеев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 207 с.
38. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю. Намитокова. – Ростов-на -Дону, 1986.

39. Плотникова, Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация [Текст] : монография / Л.И. Плотникова. – Белгород: БелГУ, 2000. – 208 с.
40. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности [Текст] : монография / Л.И. Плотникова. – Белгород: БелГУ, 2003. – 330 с.
41. Попова, Т.В. Неология и неография современного русского языка [Текст] : учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.
42. Рацибурская Л.В., Попова Т.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. Учеб.пособие. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011.
43. Ревзина О.Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре // Язык русской поэзии XX века (сборник научных трудов) / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Институт русского языка АН СССР, 1989.
44. Ревзина О.Г. Поэтический мир М. Цветаевой в произведениях 30-х годов (цикл «Куст» и поэма «Автобус»). URL: <http://www.ipmce.su>.
45. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1974.
46. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Изд-во «Логос», 1998.
47. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: «Высшая школа», 1968.
48. Ханпира Э. И. Об окказиональных словах и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. – М.: Наука, 1966.
49. Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. – М.: Наука, 1972.

50. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. - Т. 3. Кн. 1. Поэмы; Поэмы-сказки / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. - М., 1997.
51. Чиркина И.П. Современный русский язык в таблицах и схемах. - Ч. 2. - М., 1980.
52. Шведова Н.Ю. К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 104-125.
53. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. – М., 1988.

Словари

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Большой толковый словарь русского языка /Сост.игл.ред. С.А. Кузнецов. –СПб, 1998.
3. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – М., 1970.
4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – М., 1980.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Изд. 15-е. – М., 1984.
6. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
7. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х - середина 80-х годов)/Под ред.Н.З. Котеловой. – СПб., 1995.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. – М. – Л., 1950-1958.
9. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. – М., 1985.
10. Толковый словарь современного русского языка XX века. Языковые изменения/Под ред.Г.Н. Складчиковой. – СПб., 1998.
11. Харченко, В.К. Словарь современного детского языка: В 2 т. – Белгород, 2002.

12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл.ред. В.Н. Ярцева. – М. 1998.